

РЕЦЕНЗИЯ

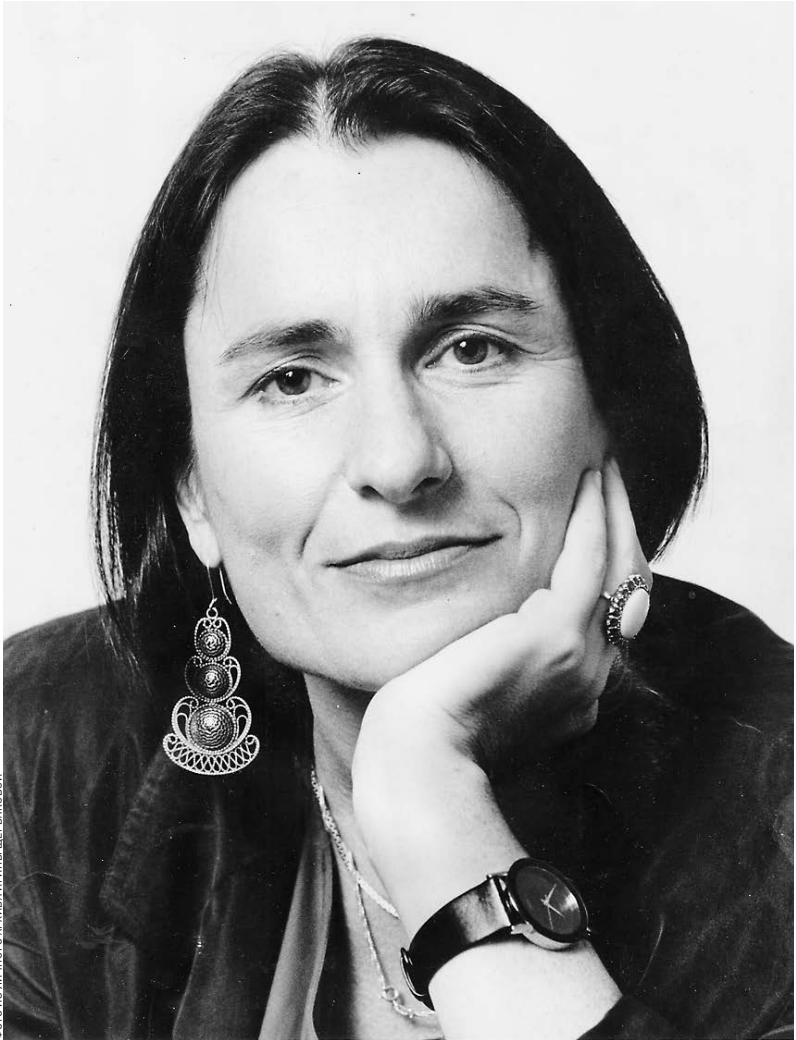
«Немцы всегда были частью нашего общества»

В своей блестящей автобиографии Ирина Щербакова рассказывает об искаленном мире и напоминает о давней близости двух народов. О новой книге историка — в рецензии Йоханна Михаэля Мёллера.

Только после прочтения первых 100 страниц раскрывается смысл чудесного, словно парящего заглавия. Это то место, где русско-еврейский историк и германистка Ирина Щербакова описывает руки своего отца, известного литературного критика, искалеченные войной. Левую — без лучевой кости, правую — без нескольких пальцев, ранения Сталинграда. Это больше, чем просто эпизод книги: руки ее отца символизируют искалеченный мир, который был с самого начала таким и который до сих пор не хочет исцелиться от ран. «Страх, поселившийся в душах людей, так и не ушел», — пишет Ирина Щербакова.

Автобиография «Руки моего отца» — документ семейной истории и вместе с тем притча о людях советских лет, об индивидуумах, а не о коллективе. Это книга, обращенная вовнутрь, хотя она еще даже не вышла на русском языке; она мало что объясняет, но многое описывает и перетекает в душевную беседу тех, о ком повествует.

«Шепчущие» — так российский-британский историк Орландо Файджес озаглавил свое монументальное исследование о жизни в сталинской России, в котором он из множества индивидуальных портретов создает коллективную психограмму. Ирина Щербакова тоже выбирает деликатный тон, но здесь мы слышим шепот другой стороны, тех, кто отрекся от собственного происхождения, искренне посвятил себя делу коммунизма, тех, кого ждала жизнь, полная разочарований и увечий и кто до конца верил в свое дело. Ее дед, партийного функционера, состарившегося на службе, в буквальном смысле постигает удар, когда XX Съезд подвергает Сталина остракизму. Осознание того, пишет Щербакова, что «всю свою жизнь он посвятил этому режиму и этим правителям», убило его. Письменный стол деда из печально известной гостиницы «Люкс» становится как бы осязаемой связью с ним.

Книга Ирины Щербаковой не превращается в рассказ только о жертвах или только о палачах

А ведь как радужно, как оптимистично все начиналось. «Столько нового, волнующего! Жизнь стучится в

двери, новая жизнь. Нужно широко распахнуть двери и смело, радостно встретить этого нового гостя. Я бесконечно счастлива, что живу именно сейчас», — признается бабушка Ирины Щербаковой Мира в апреле 1917 года, на заре великой революции. Прежде всего русским евреям, 120 лет страдавшим в царской России, верилось, что для них наступает новое время, исполненное надежд. Бабушка Мира — глава этой семейной саги. Гордая, уверенная в себе, сильная женщина. И когда незадолго до конца брежневской эры она умирает из-за чудовищных условий

в советских больницах, иссякает и поток жизненной энергии. Часто в советские годы именно бабушки поддерживали в семьях волю к жизни и «передавали» внукам немного нестибаемости вкупе с вестью о другой, более свободной жизни. Об этом есть много рассказов, в том числе в Польше и ГДР. С бабушками связаны те воспоминания, которые, как говорят, «никогда не выносились за пределы приватного» и которым не ставили официальных памятников. В бабушке Мире неизбежно отражается сама Ирина Щербакова, ее сильная личность и уверенность в себе, которую она излучает в общении и которая мешает поверить в то, что сама она записала в конце 1980-х годов: «Внезапно я подумала, что у меня не осталось сил, что я больше не выдержу, что любые надежды бессмысленны и правы те, которые хотят уехать из страны». Ирина Щербакова по сей день не оставила Россию. Она стала одним из основателей общества «Мемориал» и нашла свою большую тему: сохранение судеб всех тех, кто пострадал от сталинизма, в том числе в ГДР.

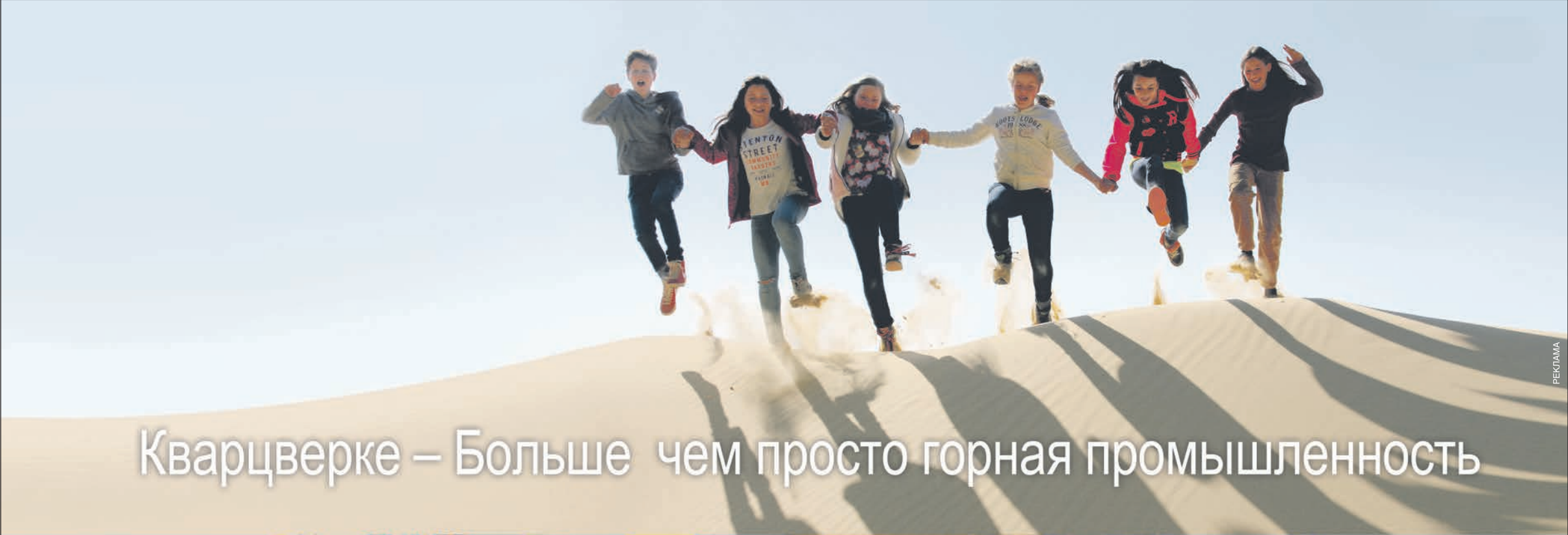
Ее книга не превращается в рассказ только о жертвах или только о палачах. Ирина Щербакова не дает оценок былому, не пытается написать советскую историю в ретроспективе и начиная с финального краха. Она рассказывает, как одна семья после свержения царизма освобождается из стесненности еврейского быта в маленьком русском городке в треугольнике, граничащем с Украиной и Белоруссией, как ее накрывают колоссальные исторические перемены, как, несмотря на это, с ней остается стигма замалчиваемой идентичности и «неправильной» национальности. Как следствие, вдвойне неправильная жизнь внутри той, что кажется правильной, притом что семья становится частью номенклатуры. Осип Мандельштам, не раз цитируемый Щербаковой, сформулировал это как нельзя лучше: «...и столетья // окружают меня огнем». Позд-

Воспоминания Ирины Щербаковой напоминают некролог прошлому, частная сторона которого уходит в небытие так же, как и великие идеи, его определившие

нее он стал 112-м номером в эшелонном списке конвойных войск НКВД. Воспоминания о жене Мандельштама Надежде, бредущей по жизни, «подобно кочевнице, без денег, временами живущей в крайней нужде», и тем не менее раздирившей все, что у нее появляется, относятся к самым трогательным местам этой семейной истории. И когда представляешь себе хрупкую, немолдую женщину с живыми глазами в тесной московской квартире конца 1970-х годов, то начинаешь понимать, какое значение имеет внутренняя свобода в так называемом сформированном обществе. Именно из-за таких миниатюр, рассказывающих сплошь о людях, не знакомых читателю, эту книгу особенно стоит прочитать. А вот великие фигуры сопротивления, та-

кие как Солженицын и Сахаров, остаются на удивление бледными и анекдотичными, равно как и Сталин, Хрущев, Горбачев. Мандельштаму принадлежат и строки из стихотворения «К Немецкой Речи», ставшие для Ирины Щербаковой-переводчицы почти жизненным лейтмотивом: «Чужая речь мне будет оболочкой». Тот факт, что под «чужой речью» подразумевается язык, который послевоенное поколение русских знало только по убийственным аббревиатурам армейских формирований, до сих пор граничит для читателя с чудом. В теплой русской интонации Ирины Щербаковой на безупречном немецком языке сквозит давняя близость двух народов — и все еще не утихшая боль от того, что не кто-нибудь, а немцы вторглись в Россию и заставили землю пылать. «Ведь немцы всегда были частью нашего общества. Ведь они всегда были с нами», — сказала Ирина Щербакова прошлой осенью в одном интервью после вручения ей в Веймаре медали Гёте. И это еще одна грань тех колоссальных увечий, о которых повествует книга. Получилось насыщенное описание внутренней жизни общества, в котором на Западе видели некий единый коллектив за железным занавесом и которое как бы начинает растворяться, когда появляется возможность более дифференцированного взгляда. В этом отношении жизненные воспоминания Ирины Щербаковой напоминают некролог прошлому, некогда казавшемуся великим обетованием, частная сторона которого уходит в небытие так же, как и великие идеи, его определившие. «Постепенно наша семья рассеялась по всему миру», — говорит-ся в конце автобиографии. И память о мире, канувшем в Лету, начинает угасать почти в тот самый момент, когда читатель пытается в ней удостовериться. «Но на вопрос, что останется», — пишет Ирина Щербакова, — каждый должен ответить сам для себя. Равно как и на вопрос о том, что было».

Кварцверке – Больше чем просто горная промышленность

- Устойчивое развитие как перспективный образ предприятия
- Надежное снабжение ключевых отраслей промышленности промышленными минералами
- Инновационные продукты - традиционные ценности
- Социальная ответственность за работников и соседей
- Награда за мероприятия по сохранению биоразнообразия